

4 октября 1978 г.

Встречи

Уланова учит быть художником

Исполнилось 50 лет творческой деятельности Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, народной артистки СССР Галины Сергеевны Улановой.

В сентябре 1928 года после окончания Ленинградского хореографического училища начала она свой артистический путь на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, в 1944 году стала солисткой Большого театра СССР, а сейчас передает свои знания и бесценный опыт новым поколениям артистов.

В числе учеников Галины Улановой можно назвать Екатерину Максимову, Нину Тимофееву, Людмилу Семеняку, Владимира Васильева. Она пестует талант и одной из ведущих ныне артисток Большого театра Светланы Адырахеевой. К ней постоянно приезжает на репетиции из Душанбе популярная таджикская танцовщица Малика Сабирова.

— Я часто до сих пор вижу сны, — рассказывает Галина Сергеевна, — в которых что-нибудь танцую... Но это, очевидно, естественно для человека, вся жизнь которого в балете. И вот, репетируя с молодыми, делаю как будто бы то, чего не сделала сама. Я смотрю каждый спектакль, который они танцуют. Конечно, как педагог многое замечаю — и что неладно, и что хорошо. Но порой увлекаюсь, смотрю, как зритель. Это бывает, когда появляется нечто главное в исполнении, нечто индивидуальное, что притягивает, и уже не важны отдельные движения.

— Девочки в детстве часто мечтают стать балеринами, — говорит она. — Я не могу сказать, чтобы я безумно хотела танцевать. Мои родители были артистами балета. Меня маленькую не с кем было оставить дома, и они брали меня на свои выступления. Я видела все трудности профессии. И не слишком радовалась, когда меня отдали в балетную школу. Просила обратно домой... Но родители мне привили чувство долга. Трудно полюбить то, что трудно. А трудно было всегда. Всегда болели ноги, всегда что-то не выходило. То есть не было удовольствия. Выпускной спектакль «Шопениана» — это было страшно! Танцевала с подвернутой ногой, на которую был надет резиновый чулок. Но раз я окончила балетную школу, я должна упорно работать. Так мы были воспитаны. Так оно и полюбилось постепенно, балетное искусство, но полюбилось через боль...

И обрела вдохновенную свою музы... Обыкновенной богиней назвал ее писатель Алексей Толстой...

«Свой, образ Улановой, как свой Достоевский, свой Толстой, есть у каждого человека, — говорит Людмила Семеняка. — У меня тоже свой образ Улановой. Он сопровождает меня с детства... В училище на меня смотрели фотографии великой балерины. Они учили меня тоже. Мы, ее ученицы, далекое отражение того, какой была она. И все-таки в каждого из нас переходит хоть малая частица ее мыслей, чувств, вдохновения, потому что она с огромной щедростью передает это нам, как когда-то дарила зрителям свое искусство. Уланову можно постигать бесконечно. Я верю каждому ее слову,

в жесту, взгляду. И когда думаю о ее творчестве, начинаю понимать, что такое непреходящее — в преходящем. Какая это вершина мастерства, если время над ним бессильно!».

В 1951 году первый раз звезда советского балета выступала за рубежом — во Флоренции. В 1956 году состоялись гастроли в Англии. Тогда впервые на Западе увидели всю балетную труппу Большого театра во главе с ее примой и безоговорочно признали торжество советского искусства. Большим балетом была названа труппа, первой балетной планеты признана Уланова.

С ее искусством познакомились также зрители Франции, США, Финляндии, Австрии, ГДР, Венгрии. Уланова первой из советских балерин показала миру русскую Жизель и балетную Джульетту, открыв невиданные глубины этих классических образов. И мир отозвался восхищенно множеством газетных и журнальных статей, монографий. Будоражились умы, замирали сердца, гремели аплодисменты. В рассказе самой Улановой их нет совсем.

— Я помню, что в мой первый год в театре известный уже в те времена балетмейстер Федор Аlopухов говорил обо мне: «Ничего, пусть падет!». Он видел, что на репетициях я как-то еще справляюсь, а выхожу на сцену — страшное волнение... одно движение не выходит, другое не выходит, с третьего — падаю. Испуганное лицо, безумный страх... Тогда мало было у нас солистов. И молодежь буквально бросали на спектакли. В первый же свой сезон я танцевала «Лебединое озеро». Не будь такого времена я, быть может, и не вышла бы в балерины. Но, конечно, одну и ту же партию по-разному представляешь в молодости и зрелости. Поначалу я была счастлива, что бы мне ни поручали. Я работала, а любая работа все равно приносит результаты. Мне всегда надо было сначала выучить партию чисто танцевально, познать «свой язык», а потом уж размышлять. Очевидно, была я или менее сообразительной, или менее хваткой... Волновалась на спектакле всегда. Не волноваться нельзя! Бывало, когда на сцене вообще забывала себя. Это, конечно, счастье. Но такое случалось крайне редко. Обычно не получалось так, чтобы, возвратившись домой, могла сказать: вот как будто у меня все вышло. Потом уже подсознательно здруг вспыльвало: ах, тут нужно было сделать не так, а там надо было сделать то-то...

— Есть ли у вас свой педагогический метод?

— Метода как такового, специального нет. Интуитивно находишь что-то в зависимости от того, с кем репетируешь. У каждой ученицы свои природные данные, свой темперамент, свои способности. Я стараюсь их понять и помочь им понять самих себя.

Мне предлагали вести класс, как мы говорим, то есть уроки классического танца. И хотя я сама была очень педантична в этом, но сейчас мне скучновато лишь следить, правильно или неправильно то или иное движение. А репетиции — это творческая работа. Конечно, мы много занимаемся танцевальной стороной партий — без техники ни о каком образе и говорить не приходится. Но мы много и об-

суждаем, советуемся. В беседах этих рождаются истины, придумываются новые мотивы роли, новые штрихи. Но... их надо выразить танцем. Как? Я немножко подсказываю, но стараюсь не раскрывать мысли полностью, иначе образ невольно скопируется. А ученица совсем не похожа на меня. Ей нужно найти свое, важно, чтобы она думала, искала. Приходится как-то балансировать, направлять, но и давать актрисе творческий простор. Характер у каждой свой — одна очень увлекается, другой все быстро надоедает, одна трудолюбива, другая не пропь полениться... И это учитываеться. Когда готовим партии в старых спектаклях, которые и я сама танцевала, мне интересно, какие тут возможны непривычные, своеобразные повороты. А когда новые постановки, то я думаю: как бы я это сделала, а что для ученицы более близко? Если уж говорить о методе, то для каждой балерины, с которой я занимаюсь, нужен свой, индивидуальный метод.

«Уланова знает о танце все. И как танцевать, и как готовиться к танцу. Знает все о нас, своих воспитанницах, — рассказывает народная артистка СССР Екатерина Максимова. — Помню, когда я начала только думать о Жизели, Галина Сергеевна посоветовала мне перечитать Тургенева — «Асю», «Вешние воды». Книги, музыка, живопись — все привлекается для работы над образом. И возникают ассоциации, и появляются новые догадки уже о балетной партии. Уланова говорит: «Нужно иметь внутри себя заветную «шкатулочку» и опускать в нее все впечатления жизни, природы, искусства».

Галина Уланова открыла в каждой своей ученице яркую и неповторимую индивидуальность. Они танцуют разные партии: в «Спартаке» Екатерина Максимова предстает трепетно-нежной Фригийей, а Светлана Адырахеева — злостной, коварной Эгиной. В «Легенде о любви» трагической моски образ Мехмэн Бану создает Нина Тимофеева, светом чистой поззии озаренную Ширин — Людмила Семеняка. Но есть партии, которые танцуют все улановские воспитанницы. Тогда особенно поражает их неподражаемость. Например, Китри в «Дон Кихоте»: лукавая женственность, изящное озорство — у Максимовой, романтический порыв — страстью натуры — у Тимофеевой, весенняя, юная радость жизни — у Семеняки.

«Уроки улановской школы. Они множественны, — говорит Нина Тимофеева. — Когда Уланова входит в репетиционный зал, мне кажется, в нем становится светлее. При ней невольно исчезает все мелкое. У нее какая-то своя очищающая миссия в искусстве. Она возвышала людей своим появлением, своей жизнью на сцене, а сейчас она делает лучше всех тех, с кем общается, с кем работает. Ее нельзя называть только педагогом, репетитором. Она не роли с нами «делает», она учит быть художником. Учит жить, думать, любить, прощать... Она открывает нам другое видение мира. И учит нести все это в творчество, в образы, которые создаешь на сцене».

С. ДАВЛЕКАМОВА.
(АПН)